

Но вернемся к петровским временам. В своем дневнике 8 августа 1721 г. Берхгольц записал, что ездил вместе с другими в Ропшу, где «царь и знатнейшие русские вельможи собственноручно открыли работы и при том так, что Его величество прежде всех приложил к земле заступ».³⁴ Событие было действительно важнейшее. С самого первого дня Петергофа проблема воды для каскадов и фонтанов казалась неразрешимой. С ней не справился даже Леблон и другие знатоки фонтанного дела. Леблон не предложил ничего лучшего, как «зделать ветреную мельницу и машину конскую для поднятия воды из двух колодезей», а также создать систему накопительных прудов.³⁵ Но это не решало проблемы водоснабжения фонтанов — мы знаем это уже по Летнему саду. Наконец в 1720 г. Петр и его инженеры (среди них был замечен выучивший-

³⁰ Там же. Оп. 2. Д. 356. Л. 279; Оп. 4. Д. 70. Л. 70.

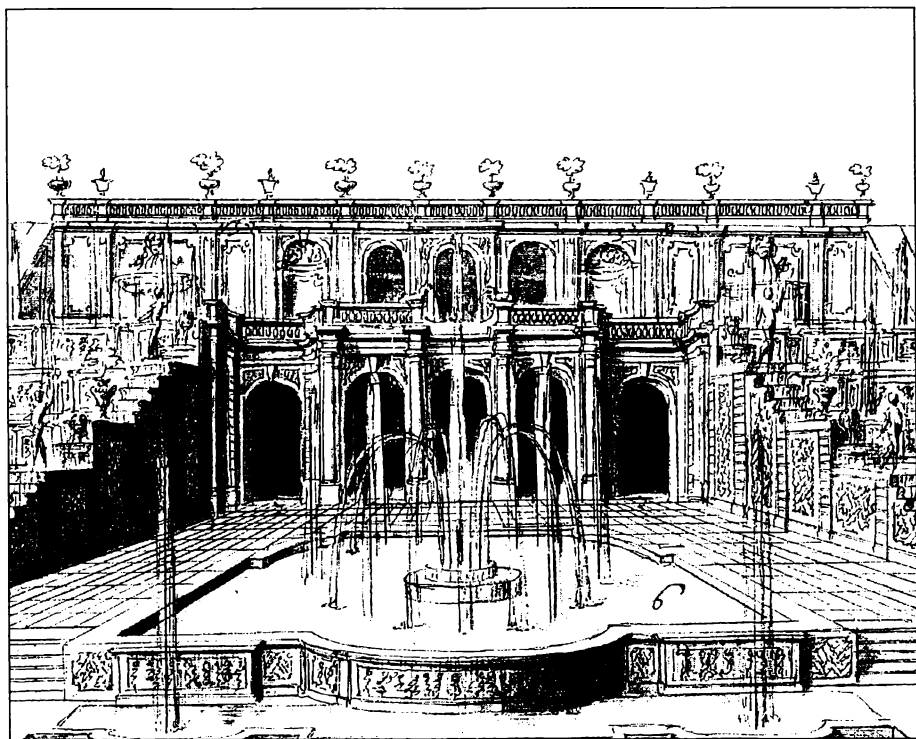
³¹ Там же. Оп. 2. Д. 26а. Л. 109 об.

³² Там же. Д. 25. Л. 216 об.; Оп. 1. Д. 20. Л. 257.

³³ Раскин А. Г. Петродворец. С. 86.

³⁴ Берхгольц Ф. В. Дневник... Ч. 1. С. 102. См. также: Мильчик М. И. Ропшинский дворец — забытый памятник архитектуры XVIII в. // НА. Сб. 3. С. 309.

³⁵ Калязина Н. В., Калязин Е. А. Жан Леблон. С. 89.

Большой каскад в Нижнем саду Петергофа. Перспектива. Проект. 1720

ся за границей гидравлик Василий Туволков), после долгих поисков, нашли способ, как обеспечить петергофские фонтаны водой. Был проложен канал самотечного водовода с Ропшинских высот, начинавшийся с территории имения канцлера Г. И. Головкина. Канал выкопали за год, и Берхгольц присутствовал при его открытии 8 августа. После торжественной церемонии хозяин имения обильно угощал гостей. Петр на заре встал и поспешил домой — в Петергоф. Неизвестно, опередил ли он воду, — 9 августа она должна была добежать до Петергофа и ударить тугими струями первых фонтанов и водометов. Нет, пропустить такое событие царь не мог!

Как ни прекрасен Петергоф во все времена года, особенно потрясает он тогда, когда оживают фонтаны. Движение воды в небе, на земле, над головой, под ногами, ее непрерывное сверкание, неумолчный шум, грохот, шепот, шелест — как будто вокруг спешат, суетятся, лопочут сотни живых, добрых, хлопотливых существ. Конечно, в пристрастии Петра к фонтанам было много от его любви к воде, к ее движению. Но и не только это. Ему было важно с помощью знаний и труда подчинить стихию воды

человеку и, торжествуя, любоваться, как «хитрость мастерства, преодолев природу... принуждает вверх скакать высоко воду, хотя ей тягость вниз и жидкость течь велит» (слова М. В. Ломоносова). Леблон предложил Петру так называемый Водяной план — создать «сады фонтанов», то есть целую систему водометов, фонтанов и каскадов. И план этот Петр одобрил. Но Леблон умер, и фонтаны продолжил строить итальянский архитектор Н. Микетти. Началась «борьба» французской и итальянской школ фонтанного искусства. Во главе одной стояли Жерар и Поль Суалем, а во главе другой — Джованни и Джулиано Бараттини. Больше всех выиграл от этой «борьбы» Петергоф, в чем мы теперь и убеждаемся, глядя, как в партерах, по сторонам Большого каскада, мощно и высоко бьют два «водяных столба толщиной в руку» (как писал французский дипломат Ж. Ж. Кампредон). Это Большие фонтаны, или «Чаши». Западный, «Итальянский», так же прекрасен, как и его восточный сосед — «Французский». Возможно, один из них 8 июля 1721 г. испытывал сам Петр. Он вообще был главным строителем, душой дела. Именно Петр ввел в русскую речь само слово «фонтан». Написанные им инструкции «Что надлежит делать и доделать в Петергофе» и другие распоряжения свидетельствуют о том, что царь помнил все и знал мельчайшие детали стройки, в том числе и дела по фонтанам и каскадам.

К 1723 г. многое из задуманного государем в Петергофе было закончено или достраивалось. Появились дворцы, Верхний сад и Нижний парк, Большой каскад, множество водометов, павильоны, трельяжи. На 16 больших фонтанах и двух каскадах красовались бюсты, статуи, вазы из дерева, свинца, многие были позолочены. 13—15 августа 1723 г. Петр устроил в Петергофе роскошный прием иностранным дипломатам. Сделано это было с умыслом — император хотел показать всему миру свои успехи. Гости только что присутствовали в Кронштадте при торжественной и символической «встрече» русского флота со знаменитым Ботиком Петра. Оттуда на яхтах они приплыли в Петергоф. Берхгольц писал: «Мы вошли в прекрасный большой канал, протекающий прямо перед дворцом. Канал этот занимает в длину полверсты и так широк, что в нем могут стоять рядом три буера».³⁶ Он отметил, что по каналу можно было войти на яхтах в большой ковш — бассейн под самой горой, и уже пешком подняться наверх по деревянным лестницам. Вдоль берегов канала встали 115 яхт и буеров, разукрашенные флагами и вымпелами.

Зрелище прекрасной морской резиденции восхитило гостей. Петр сам водил иностранных дипломатов по Петергофу, показывая все постройки, фонтаны и рассказывая о них. Это была первая в истории Петергофа экскурсия. В Больших палатах, в самом большом зале (тогда он назывался «Итальянским салоном») были поставлены столы для гостей. Их угощали, играла музыка. Самого царя на пиру не было, и от имени хозяина

³⁶ Берхгольц Ф. В. Дневник... Ч. 3. С. 128.

иностранцев принимал (или, как тогда говорили, «трактовал») вице-канцлер Петр Шафиров. Петр же с Екатериной и ближним окружением удались в любимый Монплезир, где они и обедали.